

— Еще час, и будем на аэродроме,— сообщил он через плечо Чаку. И добавил чуть погодя:— Интересно, как там машина — уже закончила? По времени — как раз.

Чак не ответил, и Джордж повернулся к нему. Он с трудом различил лицо друга — обращенное к нему белое пятно.

— Смотри,— прошептал Чак, и Джордж тоже обратил взгляд к небесам. (Все когда-нибудь происходит в последний раз).

Высоко над ними тихо, без шума одна за другой гасли звезды.

*Перевод с английского
Л. Жданова*

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Человек в воздухе

В ГОД 400-й от рождения Христа сидел на троне за Великой Китайской стеной император Юань. Его страна зеленела после дождей и мирно готовилась принести урожай, а люди в этой стране хоть и не были самыми счастливыми, но не были и самыми несчастными.

Рано утром, в первый день первой недели второго месяца после Нового года, император Юань пил чай в беседе и веером нагонял на себя теплый ветерок, когда к нему по красным и синим плиткам, выстилавшим дорожку, приближал слуга, крича:

— Государь, о государь, чудо!
— Да,— ответил император,— воздух сегодня поистине восхитителен.

— Нет, нет, чудо! — повторил слуга, кланяясь.

— И чай приятен моим устам, и это поистине чудо.

— Нет, не то, государь!

— Ты хочешь сказать, возшло солнце и настает новый день. И море лазурно. Это прекраснейшее из всех чудес.

— Государь, какой-то человек летает!

— Как? — Император перестал обмахиваться.

— Я видел человека в воздухе, и у него крылья, и он летает. Я услышал голос, зовущий с неба, и увидел дракона, поднимающегося ввысь, и в пасти у него был человек. Дракон из бумаги и бамбука, дракон цвета солнца и травы!

— Утро раннее,— произнес император,— и ты только что проснулся.

— Утро раннее, но что я видел — видел. Иди, и ты увидишь тоже.

— Садись тут со мной,— сказал император.— Выпей чаю. Если это правда, то, должно быть, очень странно увидеть, как человек летает. Нужно время, чтобы понять это, как нужно время, чтобы подготовиться к тому, что мы сейчас увидим.

Они пили чай.

— Государь,— сказал вдруг слуга,— только бы он не улетел! Император задумчиво встал.

— Теперь можешь показать мне, что ты видел.

Они вышли в сад, миновали травянистую лужайку и мостик, миновали рощицу и вышли на невысокий холм.

— Вон там! — указал слуга.

Император взглянул на небо.

А в небе был человек, и он смеялся на такой высоте, что его смех был едва слышен; и этот человек был одет в разноцветную бумагу и тростниковый каркас, образующий крылья и великодушный желтый хвост, и он парил высоко над землей, как величайшая птица из всех птиц, как новый дракон из древнего Драконова царства.

И человек закричал с высоты в прохладном утреннем воздухе:

— Я летаю, летаю!

Слуга махнул ему рукой:

— Мы тебя видим!

Император Юань не шевельнулся. Он глядел на Великую Китайскую стену, только сейчас начавшую выходить из тумана среди зеленых холмов, на этого чудесного каменного змея, величаво извивающегося среди полей; на прекрасную стену, с незапамятных времен охранявшую его страну от вражеских вторжений, неслетные годы защищавшую мир. Он видел город, пробуждавшийся у реки, и холмы — они уже начали пробуждаться.

— Скажи,— обратился он к слуге,— видел ли этого летящего человека еще кто-нибудь?

— Нет, государь,— ответил слуга; он улыбался небу и махал ему рукой.

Еще несколько мгновений император созерцал небо, потом сказал:

— Крикни ему, чтобы он спустился ко мне.

Слуга сложил руки у рта и закричал:

— Эй, спускайся, спускайся! Император хочет видеть тебя! Пока летящий человек спускался в утреннем ветре, император зорко оглядывал окрестности. Увидел крестьянина, прекратившего работу и глядевшего в небо, и запомнил, где крестьянин стоит.

Зашушала бумага, захрустел тростник, и летящий человек опустился на землю. Он гордо приблизился к императору и поклонился, хотя с его нарядом ему было неудобно кланяться.

— Что ты сделал? — спросил его император.

— Летал в небесах, государь,— ответил человек.

— Что ты сделал? — повторил император.

— Но я только что сказал тебе! — воскликнул летящий.

— Ты не сказал вообще ничего.— Император протянул свою тонкую руку, прикоснулся к разноцветной бумаге, к птичьему корпусу машины. От нее пахло холодным ветром.

— Разве она не прекрасна, государь?

— Да, слишком даже прекрасна.

— Она единственная в мире! — засмеялся человек.— И я сам ее придумал.

— Единственная в мире?

ЯПОНИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ...

А. ДОЛИН

ВМЕСТЕ с другими представителями государств Азии и Африки весной этого года в третьем кинофестивале двух континентов в Ташкенте участвовала делегация кинематографистов Японии — одной из крупнейших кинодержав мира, выпускающей до 500 фильмов в год.

Для официального показа Япония представила фильм «Родина» режиссера Ёдзи Ямада, признанный лучшим японским фильмом 1973 года. Красоту родной природы, величие труда простых людей, любовь к своему делу — все это удалось передать режиссеру, наделенному тонким чувством подлинного лиризма. И тем не менее фильм, единодушно поддержанный японской критикой, не нашел отклика у советского зрителя, не сумел взволновать и удивить, подобно лучшим фильмам Куросавы, Мидзугути, Тэсигахара.

По сравнению с фильмом «Под знаменем восходящего солнца» молодого режиссера Киндза Фукасу, который был показан на прошлом фестивале, фильму «Родина» был оказан весьма холодный прием. В чем же дело — изменились вкусы публики? Скорее всего, причины неудачи следует искать в самом фильме. Отсутствие сюжетной интриги, затянутость и излишняя прямолинейность в противопоставлении идиллической природы родного края урбанизму индустриальных центров снижает художественные достоинства картины. Не искупает этих недостатков и прекрасная операторская работа, позволяющая восхищаться великолепными ландшафтами. Раскрытие основной темы «человек — природа — труд» в полной мере не состоялось.

Другой фильм Ёдзи Ямада «Незабудки Тора-сан» более типичен для режиссера, который, по его словам, в течение многих лет специализировался именно в жанре комедии. Торадзиро — популярный герой японского экрана, предстает перед зрителями в самых различных ситуациях. Существует множество серий фильма, никак не связанных сюжетно, но объединенных общим героем. Тора-сан — фигура действительно комичная. Это плотный мужчина средних лет с широкой приветливой улыбкой. Он полон желания помочь ближнему, но, увы, сам ничего не умеет

Японская актриса Киоко Цуда и представитель «Совэкспортфильма» М. Султанов.

Фото А. Гусейнова

делать. Странствуя по дорогам Японии, Тора-сан меняет множество занятий, но везде приходится не ко двору. Единственное место, где его понимают и любят, — домик сестры в Токио. Только там, у семейного очага, он чувствует человеческое тепло, забывает на время свои невзгоды. В сущности, «Незабудки Тора-сан» воспевают то же, что и «Родина» — любовь к родному дому, честный труд в поте лица, маленькие житейские радости.

Фильмы о Тора-сан — наглядное воплощение популярной в японских семьях среднего достатка формулы «май-хомусюги» (что примерно соответствует известному выражению «мой дом — моя крепость»).

Киноведы считают, что японское кино в наши дни стоит на распутье. С одной стороны, его подстерегает трясина «эро», «порно» и «секс» фильмов, с другой — набившие оскомину самурайские

боевики. И вот талантливые режиссеры в поисках выхода обращаются к узконациональным темам, особенности которых обрекают их на замкнутый круг зрителей. Именно в таком ключе сделан фильм Тонтиро Нарусима «Незабываемое», встреченный очень сдержанно не только в Ташкенте, но и на советско-японском кинематографическом симпозиуме, состоявшемся в Москве перед началом фестиваля. Откровенная сентиментальность весьма примитивного сюжета сводит фильм до уровня страшноватой мелодрамы. Вряд ли оправданием режиссеру и автору сценария может служить отсутствие опыта, так как Нарусима в течение многих лет работал ассистентом у прославленных мастеров кино.

Весьма показателен также фильм «А что такое любовь?», обнаруживающий тяготение массового японского кино к развлекательным и в то же время сентиментальным сюжетам. Единственным достоинством наивной картины о любви двух служащих фирмы по производству игрушек является участие симпатичных молодых актеров. Даже сами члены японской делегации смущенно улыбались и разводили руками, когда речь заходила об этом фильме: мол, что делать — надо порадовать зрителя сценами красивой жизни. А ведь такого рода фильмы японские кинокомпании производят десятками.

Два ветерана японской кинематографии: Сацуо Ямамото и Тадаси Имаи представили на фестиваль интересные работы, совершенно разные по творческой манере, но в то же время близкие по своей социальной значимости. Грандиозная многосерийная киноэпопея Сацуо Ямамото «Война и человек» еще далека от завершения. Третья серия фильма, показанная на фестивале, длится три часа двадцать минут и охватывает в основном период 1938—1939 годов. «Наша молодежь мало что знает о минувшей войне, — говорит Ямамото. Его морщинистое лицо печально и строго. — Я хочу, чтобы мой фильм показал войну без прикрас, без парадных мундиров и грома фанфар. Война — это жестокость, мучения, кровь. Война калечит людей физически и наносит непоправимый моральный ущерб. У нас в стране и сейчас некоторые представляют себе войну как увлекательный фейерверк. Я не могу с этим мириться. Мы должны бороться за умы молодежи, чтобы избежать новой катастрофы».

К этому же призывает Тадаси Имаи в фильме «Кобаяси Такидзи». Впервые на японском экра-

не появился образ коммуниста, борца, отдающего жизнь за партию и торжествующего над палачами в своей героической смерти. Кобаяси — не просто известный пролетарский писатель. Вокруг его имени давно существует легенда, порожденная удивительным талантом и несгибаемым мужеством этого человека. Имаи поставил себе задачей снять поэтический кино-рассказ, бережно воссоздавая факты биографии писателя. В биографическом жанре Имаи выступает впервые, перепробовав прежде самурайские «дзидайгэки», бытовые драмы, фильмы, протестующие против социальной дискриминации.

Ужасы реального прошлого бледнеют в сравнении с воображаемыми катастрофами грядущего в фильме «Погружение Японии» по одноименному научно-фантастическому роману Сакэ Комацу. Давно уже не сходят с японского экрана всевозможные фильмы-кошмары об атомной войне, о вторжении космических пришельцев, о появлении злобного гигантского доисто-

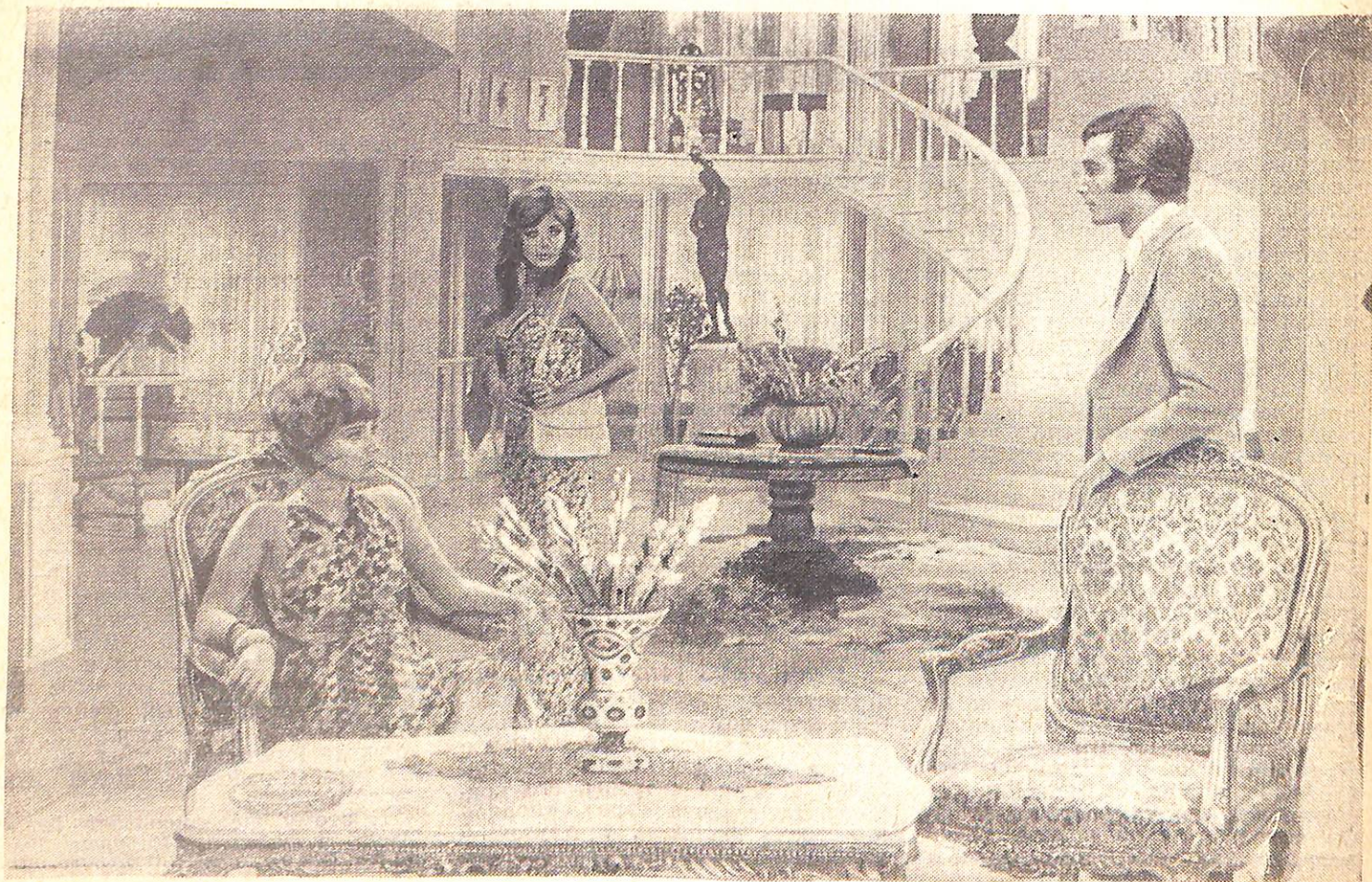
рического дракона Годзиллы. Как правило, в таких фильмах Япония все же остается цела и выходит победителем из борьбы. Однако сюжет романа Комацу трагичен. В результате сдвигов земной коры японский архипелаг быстро опускается на дно океана. Погружение сопровождается страшными стихийными бедствиями: наводнениями, землетрясениями, пожарами. Лишь небольшая часть населения находит убежище на материке. Комбинированные съемки до предела реалистично воспроизводят «конец света» как его представляет себе японский фантаст.

Особым смыслом наполнены сцены заседания Чрезвычайной сессии ООН. Страны мира решают судьбу японского народа, которому предстоит тотальная эвакуация. Далеко не все участники с готовностью соглашаются принять на своей территории беженцев. Начинается своеобразный торг, в котором на весы положены жизни миллионов людей. Спасательные работы оттягиваются...

«Погружение Японии» заставляет зрителя серьезно задуматься над будущим человечества, над сущностью истинного гуманизма.

Ташкентский фестиваль еще раз продемонстрировал все достоинства и недостатки японского кино, переживающего трудные дни. Конкуренция со стороны телевидения, засилье голливудской рыночной продукции, безудержный размах отечественного коммерческого кино — все это затрудняет работу независимых режиссеров, решающих в своих фильмах важнейшие проблемы современности. Некоторые кинодеятели стараются угодить вкусам массового зрителя за счет опрошения и приукрашивания действительности. Другие мужественно отстаивают свои взгляды, создают высокохудожественные фильмы с полным сознанием гражданского долга. Нелегко путь к вершинам, но хочется надеяться, что японские режиссеры еще не раз порадуют нас шедеврами, которые войдут в золотой фонд мирового киноискусства.

Кадр из фильма египетского режиссера Хасана эль-Имама «Не оставляй меня одну».

Двадцать лет назад, 1 ноября 1954 года, началось вооруженное восстание алжирского народа. Восстание переросло в общенациональную освободительную революцию, завершившуюся ликвидацией колониального режима и провозглашением независимости Алжира. Памятью об этих героических днях овеяны стихи алжирских поэтов, которые мы здесь публикуем.

ДЖАМАЛЬ АМРАНИ

КОЛОНИАЛЬНЫЕ НОЧИ

Ночи изрубленные, исполосованные,
ночи подкупа,
ночи, растерзанные ураганом,
я хочу говорить о вас ныне,
когда новый день карабкается по горам
и ласточка вьет гнездо открыто, у всех на виду.

Ночи позора, обожженные жаром стыда,
ночи душной грозы,
я хочу обвинить палача,
который руками, привыкшими убивать,
тянется к отдыху, к вольному смеху, к полной луне.

Ночи, украденные у нас,
ночи, отправленные под арест,
ночи, чье течение отмечено вехами виселиц,
я хочу говорить о тюрьмах, куда людей загоняли, как скот,
о страданиях, родивших нашу мечту,
о горе, которым оплачен счет
ваших радостей, чужаки.

Ночи измены, ночи поруганной веры.
Требую платы за кровь, принадлежащую мне от рождения.
Ожидаю надежды, всему подводящей итог.
Ночи нищих, ночи умерших от голода,
требую платы за хлеб, вырванный изо рта,
за кровь — мы захлебнулись ею,
и жажда подняться с колен заклокотала в нас.

Ночи пепла и плоти,
ночи жалости,
как я ловил шепот ваш: обещанье рассвета,
прихода грядущего дня.

Колониальные ночи, ночи изгнанников,
ночи врагов.
Мы вычеркнули чужеземцев
из алого света, которым залит мой город,
из мира, где вечно будут сверкать стены наших жилищ.

Юные ночи,
ночи свободы,
ночи высокой борьбы.
Общее наше наследство, понимание с первого взгляда,
ласковый вкус надежды на наших губах.
И единственной правдой
огненный день открывается нам.

КАССАМАН

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМН АЛЖИРА

Нашим гневом, грозящим расплатой,
нашей кровью, что смыла позор,
нашим флагом, что взвился, крылатый,
и горит над вершинами гор,
мы клянемся погибнуть, чтоб жил
отвоєванный в битвах Алжир!
Мы клянемся, клянемся, клянемся!

Мы сражаемся за справедливость,
за свободу и честь — на века.
Наша родина не подчинилась
приказаньям чужого штыка.
Мы клянемся погибнуть, чтоб жил
отчий край, непокорный Алжир!
Мы клянемся, клянемся, клянемся!

Слава павшим! Бессмертье — героям,
давшим родине жизнь и весну.
Мы — живые и мертвые — строим
нашу правду и нашу страну.
Мы клянемся погибнуть, чтоб жил
исстрадавшийся, гордый Алжир!
Мы клянемся, клянемся, клянемся!

Мать-отчизна раскрыла объятия —
всем на свете пожертвуем ей.
В память наших замученных братьев,
ради счастья для наших детей,
мы клянемся погибнуть, чтоб жил,
возродившийся в муках Алжир!
Мы клянемся, клянемся, клянемся!

МОХАМЕД ЗЕРУНИ

Я — РЕВОЛЮЦИЯ

Я — река в крутых берегах,
бурный, шалый поток,
любимая дочь земли, диким зверем
сбегаю с гордых вершин.
Я — революция!

Я — земля; обнимаю реку,
все забывая от страсти;
я — река, что, словно рука,
сжимает земную грудь.
Я — вода, взбирающаяся вверх,
и вершины подымаю — венцы моих целей.
Я — революция!

Я — волна, что разрастается в шторм;
водоворот, где рождается дух Идеала;
река подземных пещер,
что уходит к сердцу земли
и возвращается,
полная новых сокровищ...
Я — революция!